

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: актуальные подходы

О.Ю. Усачева

Аннотация. *Вопрос о речевой культуре преподавателя, который во все времена признавался принципиальным с точки зрения профессиональных требований, в последнее время приобрел особую актуальность. Причины этого заключаются, во-первых, в интенсификации иноязычных заимствований, что приводит к системным сдвигам в языке и обострению противоречий в триаде «система — норма — узус»; во-вторых, в экспансии нелитературных подсистем, прежде всего социолектов, которые поддерживают особую узуальную норму; в-третьих, в появлении цифровой среды коммуникации, которая побуждает язык и коммуникацию активно адаптироваться к новым дискурсивным условиям. Все это вместе взятое выражается в дестабилизации литературной нормы и, как следствие, в дезориентации носителей языка, включая интеллектуальный слой, относительно стандартов речевой культуры. Какие же подходы следует использовать для того, чтобы не допустить деградации речевой культуры педагогических работников? С точки зрения автора, имеющего достаточно богатый опыт работы в высшей школе, такие подходы могут сводиться к следующим принципиальным пунктам. Прежде всего, речь идет о четком донесении для образованных носителей языка идеи о динамическом характере современной литературной нормы, что требует определенной перестройки подхода к пониманию нормативности и обучению ортологической грамотности. С учетом же новых дискурсивных условий необходимо идти по пути формирования и развития коммуникативной компетенции в направлении принципиального разграничения двух типов дискурса — институционального и персонального (межличностного). Это означает, что от преподавателя требуется умение различать по меньшей мере две важнейшие функциональные зоны коммуникации (социально-статусную и личностную) и уже внутри каждой из них правильно определять нужный стилистический регистр: строго официальный, нейтральный, разговорный, фамильярный. При этом также важно повышать уровень коммуникативной грамотности педагога при общении в цифровой среде, в частности, формировать умение разбираться в специфике цифровых форматов и следовать практическим рекомендациям, опирающимся на соотнесение этих форматов с их прототипическими доцифровыми аналогами. Таким образом, речевая культура преподавателя должна быть адекватна современной социокультурной ситуации и новым коммуникативным реалиям.*

462

© Усачева О.Ю., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: педагогический дискурс, речевая культура, коммуникативная грамотность, цифровая коммуникационная среда, формат.

Для цитирования: Усачева О.Ю. Речевая культура преподавателя высшей школы: актуальные подходы // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. Часть 2. С. 462–474. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-462-474

THE SPEECH CULTURE OF A UNIVERSITY TEACHER: Relevant Approaches

O.Ju. Usacheva

Abstract. *The issue of a teacher's speech culture, which has at all times been recognized as crucial in terms of professional requirements, has recently become particularly relevant. The reasons for this are, firstly, the intensity of foreign borrowings, which leads to systemic shifts in the language and aggravation of contradictions in the triad "system – norm – usus"; secondly, the expansion of non-literary subsystems, primarily sociolects, which maintain a specific usual norm; thirdly, the appearance of the digital communication environment, which encourages language and communication to actively adapt to the new discursive conditions. Taken together, all this translates into the destabilization of the literary norm and, as a consequence, the disorientation of speakers, including the intellectual layer, regarding the standards of speech culture. What approaches should be used to prevent the degradation of the speech culture of teachers? The author, who has extensive experience in higher education, believes that these approaches can be reduced to the following key points. First of all, we are talking about a clear message to educated native speakers about the dynamic nature of the modern literary norm, which requires a certain restructuring of the approach to the understanding of normativity and orthological literacy training. Taking into account the new discursive conditions, it is necessary to follow the path of formation and development of communicative competence in the direction of a fundamental distinction between two types of discourse – institutional and personal (interpersonal). This means that a teacher must be able to distinguish between at least two important functional areas of communication (social-status and personal) and within each of them correctly identify the right stylistic register: strictly official, neutral, conversational, familiar. It is also important to increase the level of communicative literacy of teachers when communicating in the digital environment, in particular, to form the ability to understand the specifics of digital formats and follow practical recommendations based on the correlation of these formats with their prototypical pre-digital analogues. Thus, a teacher's speech culture should be adequate to the contemporary social and cultural situation and new communicative realities.*

Keywords: pedagogical discourse, speech culture, communicative literacy, digital communication environment, format.

Cite as: Usacheva O.Ju. The Speech Culture of a University Teacher: Relevant Approaches. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 2, part 2, pp. 462–474. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-462-474

Понятие речевой культуры довольно широко. Как известно, оно включает в себя не только правильность речи, то есть соблюдение литературной нормы, но и успешное речекоммуникативное поведение человека в тех или иных обстоятельствах (коммуникативная грамотность), и умение строить речевые произведения различных функциональных стилей и жанров, и знание речевого этикета, и ораторское мастерство. И конечно же речевая культура (культура речи) охватывает не только письменное, но и устное общение: это «конкретная реализация языковых свойств и возможностей в условиях повседневного и массового — устного и письменного — общения» [1, с. 247].

Применительно к педагогу (преподавателю или учителю) речевая культура входит в число важнейших профессиональных компетенций, ведь она обеспечивает не просто эффективное владение словом с точки зрения задач образования, но и отношение общества к обучающему как к эталонной коммуникативной личности, которая всем своим обликом и поведением оказывает разностороннее воздействие на обучаемых. Поэтому культуре речи педагогов традиционно уделяется самое пристальное внимание, особенно при подготовке студентов педагогических вузов.

Между тем в настоящее время актуальность этой темы существенно возросла, и тому есть ряд объяснений.

Во-первых, в последние десятилетия в русском языке наблюдается лавинообразный приток новаций, затрагивающих практически все уровни языковой системы. В нем появляются новые слова, изменяется значение уже существующих слов, что, в свою очередь, влияет на изменение лексической и синтаксической сочетаемости, меняется ударение в словах и формах слов, изменяется зона анализности в грамматической системе и т. д.

Как следствие, обостряется противоречие между всеми компонентами триады «система — норма — узус» и возрастает конкуренция литературной и узуальной нормы. Ситуация усугубляется тем, что рекомендации разных словарей зачастую противоречат друг другу, что является частой причиной дезориентации говорящих и пишущих. Этот процесс расхождений в оценке нормативности затронул даже такую консервативную область ортологии, как орфографические и пунктуационные нормы [2–4].

Во-вторых, знаком времени является экспансия профессиональных социолектов, особенно в среде активно развивающихся профессий: менеджеров, программистов, экономистов, юристов. Закрепление и распространение языковых новшеств внутри и за пределами соответствующих профессиональных групп поддерживается благодаря высокой квалификации и социальной авторитетности профессионалов. Однако литературный (ортологический) статус этих инноваций зачастую не ясен, а иногда и вовсе оказывается под сомнением. Например: насколько можно признать литературным ударение в словах *при́говор*, *дело возбуждено*? Непонятно, правильно ли построено словосочетание *договор аренды*, поскольку словари фиксируют существительное *договор* с управлением *о чем/на что*, а не *чего*. Нарушена ли лексическая сочетаемость в обороте *задействовать треть работников*, если существует как норма словосочетание *задействовать новое оборудование*? Между тем в профессионально ограниченном употреблении данные случаи признаются узуальной нормой.

В отношении отмеченных языковых инноваций единого решения о степени их литературной нормативности не существует. Так, в одних случаях языковые варианты признаются однозначно

ненормативными, или профессионалистами (*приговор, возбуждено*), отклоняющимися от литературной нормы [5], в других же — варианты признаются допустимыми, поскольку они либо оправданны функционально, либо уже получили закрепление в узусе (использовании). Например, в концовке деловых писем согласно новой узусальной практике ставится запятая после оборота *с уважением* и аналогичными ему (*с почтением, с наилучшими пожеланиями* и т. д.), хотя подобного правила пунктуации в известных нормативных источниках не зафиксировано.

В-третьих, размывание литературных норм связано с появлением **цифрового пространства коммуникации** (Интернета, мобильной связи, электронного документооборота). Новая коммуникационная среда возникла благодаря новейшим техническим каналам связи, которые организуют информационные и коммуникационные потоки через заданные технические характеристики, совокупность которых можно обозначить термином **формат**. Формат как исходное условие, «рамка» коммуникации, может включать разнообразные параметры, такие как объем поля сообщения, скорость и частота обмена сообщениями, расположение одного текстового поля относительно других, возможности адресации к одному или многим коммуникантам, вид кодировки (латиница или кириллица) и т. д. [6, с. 52–53]. Влияние характеристик данного типа на коммуникацию и язык было зафиксировано уже в пионерских исследованиях интернета, таких как, например, «Язык и интернет» Д. Кристала (2004). В частности, говоря о специфике интернет-среды, британский исследователь указывает на то, что «пользователь здесь (и отправитель, и получатель) дополнительно лингвистически ограничен свойствами программного и аппаратного

обеспечения интернета, связывающего их» [7, с. 24]. Успешность коммуникации, считает автор, зависит от того, насколько пользователи в состоянии учесть как новые возможности (сильные стороны), так и ограничения, налагаемые данной средой.

Адаптация коммуникации и языка к новой среде осуществляется по-разному. Общеизвестно, что в новой коммуникационной среде сплошь и рядом наблюдается отступление от литературной нормы письменной речи, что вызвано как функциональными причинами (спонтанностью общения, ограничениями в объеме сообщений и т. д.), так и определенной речевой модой, языковой игрой, формирующимися субкультурными стандартами цифрового общения.

Итак, проблема речевой культуры преподавателя актуализируется в первую очередь под влиянием дестабилизации системы литературных норм и касается, прежде всего, ортологического аспекта культуры речи. Как в этих условиях должен быть сориентирован преподаватель, стремящийся (хотя бы в пределе) к достижению коммуникативного идеала?

Нам представляется, что до научно-педагогического сообщества должна быть донесена ключевая идея относительно характера современной литературной нормы, о чем хорошо известно лингвистической части этого сообщества, а именно: *в настоящее время литературная норма представляет собой не столько запрет, сколько выбор*. На этот сдвиг в понимании статуса литературной нормы обратил внимание в последней трети XX века выдающийся лингвист М.В. Панов, и его точка зрения сегодня доминирует в учении о норме [8]. Однако именно это понимание нормы нередко встречает сопротивление со стороны массового носителя языка, требующего от норм бескомпромиссной однозначности. Как справедливо отмечает

Е.И. Литневская, «среди рядовых носителей языка эта тенденция нередко получает название «порчи языка» и вызывает широкий резонанс. Представление о том, что норма — это запрет и что лингвисты обязаны бороться за эти нормы и нести за них ответ, является доминирующим среди языковых пуристов» [3, с. 32].

На практике идея современной нормы должна раскрываться и проводиться через понятие ее функционально обусловленной вариантности. В частности, пора, в конце концов, опровергнуть народно-лингвистический миф (к сожалению, распространённый и в педагогической среде) о якобы недавно состоявшемся переосмотре нормативного родового варианта *кофе* как существительного мужского рода и его «замене» на средний род. На самом деле ряд словарей еще с прошлого века отмечает у этого слова два варианта родовой отнесенности, ср., например: «*Ко́фе, нескл., м. и (разг.) с.*» [9, с. 236]. Используемые словарные пометы указывают на то, что в различных условиях общения представлены разные родовые варианты: в строгой литературной речи — мужской род, в непринужденной устной (разговорной) речи — средний. Этот же подход отражен и в «Орфоэпическом словаре русского языка» И.Л. Резниченко: «*Ко́фе, нескл. м; ко [ф']е ! вар. сред. рода неуместен в строгой лит. речи*» [5, с. 456]. Разговорные варианты (в примерах это вторые члены пар) отмечены и для таких случаев, как *догово́р* и *до́говор* [там же, с. 237], *бухгалте́р* и *бухгалте́рша* [там же, с. 86], *директо́р* и *директе́риса* [там же, с. 228] и др.

Безусловно, попутно следует разъяснить, что разговорные варианты являются частью литературной нормы, не противостоят ей, а расширяют ее границы.

При этом крайне важно отличать от литературных (в том числе разговорных)

варианты нелитературные, т. е. просторечные либо профессиональные. Таковы, например, просторечное *шо́фёр* при нормативном *шофё́р* или профессиональное *шпатле́вка* при нормативном *шпакле́вка* [там же, с. 1152].

Попутно отметим, что просветительская задача разъяснения динамического характера литературной нормы наталкивается на еще одну трудность: отсутствие единообразия в рекомендациях различных словарей и справочников. Именно поэтому на заседании Совета по русскому языку 5 ноября 2019 года президент Российской Федерации предложил «начать подготовку единого корпуса словарей, справочников, грамматик, содержащих нормы современного русского языка при его использовании в качестве государственного» [10]. Вместе с тем всеохватная кодификация литературных норм современного русского языка, коль скоро эта задача ставится в общегосударственном масштабе, должна опираться на самое внимательное исследование тенденций развития языка и теоретическое обоснование принимаемых решений. Кроме того, существенным представляется вопрос о выработке ключевого методологического принципа относительно «разграничения между кодифицируемыми орфографическими нормами, орфографическими правилами, закрепляющими выбранную кодификацию и обязательными для грамотного письма, и орфографическими рекомендациями, отклонения от которых признаются допустимыми» [11]. Добавим, что данный методологический принцип, без сомнения, следует распространить и на нормы устной речи.

С появлением новой коммуникационной среды вопрос культуры речевого поведения приобрел еще более острый характер, поскольку многие преподаватели активно используют в образовательных

целях площадки социальных сетей, мессенджеров, телеграм-каналов, различные системы дистанционного обучения.

Наше общение, перетекающее в цифровую среду, вынуждено вписываться в технические рамки (форматы), считается с их возможностями, назначением и ограничениями. Например, Twitter регламентирует объем сообщения — не более 140 символов (в тестовом режиме их количество увеличено вдвое — до 280 символов). Формат обуславливает те или иные специфические языковые характеристики порожаемого дискурса: «телеграфный стиль» твиттера, афористичность «статусов» в социальных сетях, узуальные акронимы (сокращения) в чатах и форумном общении и т. д. Иначе говоря, такие условия оказывают влияние на процесс создания текста, отбор слов, синтаксических конструкций, инициируют новые сокращения, использование более коротких иноязычных слов и т. д.

Правомерен вопрос: соблюдаются ли в этой новой коммуникационной среде нормы литературного языка?

Ответ: и да, и нет. Дело в том, что цифровая коммуникационная среда так же неоднородна, как и обычная, «доцифровая». Если в традиционной среде коммуникации существует речь эталонная и речь разговорная, речь официальная и речь разговорная, речь научная и речь деловая, то и в цифровой среде мы можем наблюдать те же самые виды речи. А это значит, что и нормы литературного языка представлены здесь в разной степени: от строгих до «мягких», разговорных. Их соблюдение связано с общением в той или иной сфере коммуникации, а эти сферы отображают те, которые существуют вне цифрового пространства. Другими словами, цифровое общение в значительной мере выступает аналогом доцифрового, поскольку обладает экзистенциальной

вторичностью по отношению к «естественной» коммуникации, транспонируя ее в киберпространство.

Цифровизация общения означает, что коммуникативные акты осуществляются не в трехмерном физическом пространстве и реальном времени, а в специфическом локусе, обладающем когнитивно-знаковым статусом. Такой локус, опирающийся на когнитивное моделирование первичной коммуникационной среды, представляет собой форму преодоления физической дискретности, разорванности процесса коммуникации, пространственной и временной разобщенности отправителя и получателя в условиях дистантного опосредованного общения. При этом результаты такого моделирования производны как от объективных факторов (исходящих от первичной коммуникационной среды), так и от субъективных (исходящих от когнитивных возможностей коммуницирующего субъекта) [12]. В нормотворческом плане главная проблема, порожденная цифровизацией общения, — это проблема релевантности цифровой коммуникации по отношению к нормам и стандартам коммуникации, обладающей статусом экзистенциальной первичности, в том числе и к литературным языковым нормам.

Итак, в цифровой среде рамки, сегментирующие пространство коммуникации, не столь явны, как в «естественной», где они предопределены физически выраженными границами между коммуникативными событиями. В результате происходит смешение сфер общения, регистров, жанров, явлений устной и письменной речи, что служит причиной дезориентации общающихся. Адаптация пользователя к этим условиям требует от него безошибочного умения определять характер требований в данной зоне коммуникации, переключать регистры,

осуществлять выбор наиболее подходящих языковых вариантов и т. д. Все это в конечном счете сводится к развитию коммуникативной грамотности современной языковой личности, совершенствованию ее коммуникативной компетентности в новых социокультурных условиях.

Наметим основные, на наш взгляд, направления совершенствования коммуникативной компетентности и речевой культуры преподавателя.

Чтобы ориентироваться в коммуникационном пространстве, надо уметь отличать одну сферу общения от другой, или (если использовать понятие дискурс) один дискурс от другого. В первую очередь важно различать **персональный** и **статусно-ориентированный (институциональный)** дискурсы [13]. «Существенным... является...противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса. В первом случае в общении участвуют коммуниканты, хорошо знающие друг друга, раскрывающие друг другу свой внутренний мир, во втором случае общение сводится к диалогу представителей той или иной социальной группы. <...> Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т. е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [14, с. 39].

Институциональный дискурс продуцируется в сфере социальной (социально ориентированной коммуникации), для которой характерно соответствие социально релевантным условиям общения, таким, как соблюдение социальных ролей, статусов, типовых конвенций. Этот дискурс отличается высокой степенью стандартизации, в том числе использованием языкового стандарта — литературного языка,

а значит, и соответствующая ему книжная стилистика — деловая, научная, публицистическая. «Представляется возможным выделить применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный и массово-информационный виды институционального дискурса» [там же, с. 41]. Зона институционального дискурса в цифровой среде представлена форматами официальных сайтов и порталов, пресс-релизами, официальной документацией, научными публикациями, ответами официальных лиц на разного рода вопросы и обращения, вебинарами и видеоконференциями и т. д. В меньшей степени она представлена в социальных сетях (хотя и там тоже есть), причем степень официальности там снижена до полуофициального и даже неофициального уровня. Разновидностью институционального дискурса выступает педагогический дискурс, ориентированный на научные, образовательные и воспитательные цели.

Персональный дискурс продуцируется в сфере межличностной (персонально ориентированной) коммуникации, для которой характерно исполнение индивидуальных ролей, передача личностно окрашенного содержания, выбор языковых средств с позиций индивидуальных оценок и предпочтений. Этот дискурс может характеризоваться как высокой степенью языковой стандартизации, так и отклонениями от нее в сторону субстандартных подсистем: просторечия, жаргона, сленга — все зависит от ситуативных и личностных факторов. Сфера цифрового персонального дискурса — социальные сети, блогосфера, межличностная переписка в мессенджерах, семейно-бытовое и дружеское общение по скайпу или электронной почте.

Педагогический дискурс представляет собой коммуникацию в социально-ролевой системе «обучающий — обучаемый». «Цель педагогического дискурса — социализация нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов)» [там же, с. 52]. Таким образом, общение преподавателя со студентами должно расцениваться как социально-ролевое и, соответственно, как регламентированное и по целям, и по содержанию, и по форме.

Между тем нельзя не заметить, что в последние годы педагогический дискурс претерпевает определенные изменения, также вызванные новыми социокультурными условиями. Так, например, в соответствии с современными тенденциями в образовании, в частности, развитием педагогики сотрудничества (восходящей к идеям С.Л. Соловейчика), предполагающей личностное равноправие обучаемого и обучающего, упрочением в академической среде ценностей личностного роста, других гуманистических ценностей, глобализацией, антропоцентричностью дидактической модели и т. д. педагогический дискурс становится все менее официальным и все более персонифицированным. Эта ситуация, особенно в сочетании с фактором цифровизации общения, благоприятствует, как считают, интегрированию в педагогический дискурс разнообразных дискурсивных стилей: «научного, научно-популярного, разговорного, что свидетельствует о процессе перехода от институционального к более персональному стилю общения» [15, с. 153].

Признавая релевантность отмеченных процессов, мы тем не менее хотим

подчеркнуть сохраняющийся статус данного дискурса как институционального. Отсюда вытекает, что от пользователя в ситуативной статусной роли преподавателя требуется придерживаться коммуникативных и языковых норм институционального дискурса, в противном случае под вопросом оказывается его институциональная роль и в «доцифровой» среде. Другими словами, каждый преподаватель должен очерчивать в цифровой среде две функциональные зоны своего общения — институциональную и персональную — подобно тому, как в офлайн-общении люди стремятся ограничивать свою приватную жизнь от публичной.

Во вторую очередь необходимо определить регистр общения: строго официальный, нейтральный, разговорный, фамильярный. Именно этим обстоятельством диктуется стилистика высказывания, в том числе и допустимость/недопустимость различных приемов языковой игры.

Понятно, что в профессиональном общении преподавателя наличествуют ситуации самого разного свойства — от строго официальных до разговорных. Этим ситуациям должна соответствовать определенная стилистика: ведь чем больше дистанция между преподавателем и его собеседником, тем выше степень строгости литературной нормы. Дистанция же, в свою очередь, диктуется как социальными факторами (ср.: статусно-иерархические роли «руководитель — подчиненный» или равноправно-горизонтальные — «коллега — коллега»), так и личностными: степень знакомства, эмоциональное расположение, индивидуальное стремление к той или иной тональности общения (участливая, ироничная, деловитая и т. д.). Во всех этих случаях, безусловно, речь идет о следовании литературной норме; вопрос же заключается в том, избирается ли строгий либо

непринужденный ее вариант. Проиллюстрируем это на примерах.

Представим себе ситуацию защиты выпускных работ. Объявляя очередную защиту, председатель ГЭК, скорее всего, скажет: «*Объявляется защита выпускной квалификационной работы на тему...*». То есть будет использована развернутая, по сути, книжная терминологическая номинация, уместная в строгом официальном общении. Встретив же коллегу или выпускника в коридоре, тот же человек с большой степенью вероятности использует более короткую, разговорную номинативную формулу: «*Когда у нас защиты дипломов?*» В этом случае выбор неофициальной номинации будет продиктован иными ситуативными условиями.

Другая ситуация: семинарское занятие в группе. В зависимости от того, насколько налажен контакт с группой, какова общая тональность общения, преподаватель может или держать (увеличивать) дистанцию, или сокращать ее. Отсюда варьирование стиля общения: от формального до дружеского. В данном случае выбор стилистики связан с индивидуальностью преподавателя, характером его отношений с групповым/индивидуальным адресатом. Доверительное, коллегиальное общение также допускает использование шуток, языковой игры, в том числе отдельных нарочитых отступлений от литературной нормы (естественно, при условии, что нас правильно понимают и принимают такой тип общения). Конечно, при этом категорически исключается использование табуированных в данном коллективе явлений лексики (обсценизмов, инвективов и под.).

Итак, мы установили базовые принципы педагогического общения: учет ситуации по линии ее официальности/неофициальности, учет статусной или персональной дистанции между общающимися, учет эмпатического фактора (степень доверительности отношений).

Теперь перенесем эти принципы в среду цифровых коммуникаций.

Если принять во внимание наиболее типичные виды контактов, характеризующие деятельность преподавателя в цифровой среде, то к ним относятся:

- 1) коммуникация на основе образовательных платформ;
- 2) социальные сети;
- 3) электронная переписка по почте;
- 4) СМС-общение.

Рассмотрим эти случаи более подробно.

1) Коммуникация на основе образовательных платформ.

Данная разновидность цифровой коммуникации предстает как наиболее очевидный цифровой аналог институционального, а именно педагогического дискурса. Устные контакты представлены здесь форматами дистанционных лекций или семинаров (вебинаров), письменные — форматами текстов лекций и заданий, отзывами и рецензиями, ответами на письменные обращения студентов, методическими рекомендациями, участием в форумном общении и др. Соответственно, ролевая модель во всех этих случаях остается социально ориентированной, хотя и, возможно, более персонализированной, особенно в интерактивном режиме.

2) Социальные сети. Еще совсем недавно общение в социальных сетях расценивалось как исключительно персонально ориентированное. Однако стремительное вовлечение в данный формат институционального дискурса, в том числе педагогического, особенно под влиянием введения карантинных мер в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, изменило границы между личным и социально-статусным пространством внутри сетевых сообществ. Частично сообщества, безусловно, оставили за собой пространство межличностной коммуникации, но при этом существенно воз-

росло количество групп и в пространстве социально ориентированном.

Участвуя в сетевом общении, надо отдавать себе отчет, в каком ролевом статусе и в каком пространстве сети мы находимся в каждом конкретном случае, и в зависимости от этого выстраивать дискурс. Это означает, что всякий раз, заходя в социальную сеть, мы вступаем в зону потенциально публичной коммуникации, где наше поведение уподобляется «доцифровому» поведению в общественных местах, и оставляем здесь цифровой след, который сохраняется надолго, если не навсегда. Естественно поэтому придерживаться безопасного полуофициального регистра, особенно если вы находитесь на площадке открытой группы, соответственно, тональность сниженного регистра совершенно недопустима по причинам сохранения цифровой репутации. Приходится проявлять языковую щепетильность и в том, что касается контактов с виртуальными пользователями. Например, не стоит вступать в непечатные пререкания с виртуальным собеседником, принимать участие в сомнительных диалогах, реагировать на грубость грубостью и т. д. Иными словами, преподавателю предстоит научиться поддерживать коммуникацию в условиях прозрачности цифровых границ и неуклонно следовать постепенно кристаллизующимся нормам цифрового этикета, к слову, оказывая тем самым педагогическое влияние на коммуникативное поведение своих учеников и студентов.

Отдельный вопрос: как следует относиться к соблюдению/несоблюдению кодифицированных норм в среде социальных сетей? Общая рекомендация здесь может быть такой: поскольку полуофициальный регистр соотносится с нестрогой литературной нормой, то разумнее всего максимально следовать рекомендуемым правилам, в том числе и тем, которые допускают отклонения (такие,

как, например, употребление прописных и строчных букв).

3) Электронная почта. Данный формат, если говорить о диалогическом режиме, а не просто о циркулярной рассылке, обеспечивает диадную, а не групповую коммуникацию (в отличие от социальных сетей) и имеет очевидный доцифровой аналог — это традиционная почтовая переписка. В то же время данный формат коррелирует и с некоторыми другими форматами (доцифровыми и цифровыми), такими как телефонное общение и СМС, что приводит к закономерным отклонениям от прототипа, тем не менее этикет электронной переписки уже довольно детально разработан.

Если говорить о «прототипическом наследии», то в электронной почтовой переписке следует придерживаться общих правил оформления письма, которые во многом распространяются и на цифровую среду. Обязательно заполняется поле темы письма, как этого требует деловой этикет. Письмо начинается с приветствия или обращения в соответствии со статусом адресата. В тексте, как правило, используется кодифицированная орфография и пунктуация, только в случае более тесных и доверительных отношений пользователи практикуют смайлики (эмотиконы) и отступления от орфографических и пунктуационных правил. Письмо завершается формулой прощания и подписью.

При наличии серийной переписки структура текста письма несколько упрощается, в чем можно усмотреть влияние телефонного и СМС-общения. Так, из текста элиминируется приветственная и прощальная часть, поскольку они выполняют контактоустанавливающую и контакторазрывающую функцию соответственно, что является избыточным при продолжающемся общении. Что же касается стилистики электронных писем, то она сопоставима с разговорной литературной

нормой с поправкой на письменную коммуникацию. Однако при этом следует учитывать и специфику адресата в плане социальной дистанции, т. е. степень официальности отношений пишущих. Впрочем, практические рекомендации по оформлению «разговорной письменной речи» еще нуждаются в более детальной разработке.

4) СМС-общение (включая мессенджеры). Данный цифровой формат получил развитие благодаря росту распространенности мобильных смарт-устройств и расширению возможностей последних, в частности, появлению групповых чатов. Тем самым СМС-общение от двухсубъектного диалога эволюционировало в сторону полилога.

В связи с этим интересно поставить вопрос о доцифровом аналоге (аналогах) данного формата. Очевидно, наиболее близкими по своим характеристикам являются такие форматы устной коммуникации, как беседа, в том числе телефонная, с их возможными разновидностями (информационные, дисциплинарные, круглый стол и др.), а также электронная почта. Однако это отдельная проблема, которая должна рассматриваться в русле речевых исследований, что не входит сейчас в нашу задачу.

В целом же языковая сторона данного формата содержит те же особенности, которые были описаны выше применительно к остальным видам педагогических контактов.

В заключение сформулируем **основные выводы**.

Современная социокультурная ситуация актуализировала проблему речевой культуры в педагогическом дискурсе. Причина этого заключается, во-первых, в

интенсивности иноязычных заимствований, что приводит к системным сдвигам в языке и обострению противоречий в триаде «система — норма — узус»; во-вторых, в экспансии нелитературных подсистем, прежде всего, социолектов, которые поддерживают особую узуальную норму; в-третьих, в появлении цифровой среды коммуникации, которая побуждает язык и коммуникацию активно адаптироваться к новым дискурсивным условиям.

Говоря об актуальных подходах к поддержанию речевой культуры в педагогическом сообществе, хотим выделить следующие:

- опора на идею о динамическом характере современной литературной нормы, что требует определенной перестройки подхода к пониманию нормативности и обучению ортологической грамотности;
- осознание принципиального разграничения двух типов дискурса — институционального и персонального (межличностного), и, соответственно, умение различать две функциональные зоны русского языка в цифровой коммуникативной среде;
- внутри каждой из этих функциональных зон уметь определять нужный стилистический регистр: строго официальный, нейтральный, разговорный, фамильярный;
- повышение уровня коммуникативной грамотности педагога при общении в цифровой среде предполагает, в частности, умение разбираться в специфике цифровых форматов и следовать практическим рекомендациям, опирающимся на соотношение этих форматов с их прототипическими доцифровыми аналогами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

2. Грунченко, О.М. Пунктуационное оформление вводных конструкций // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М.: Институт русского языка, 2012. С. 107–117.
3. Литневская, Е.И. О языковой норме письменной речи и проблемах ее кодификации в начале XXI века // Мир русского слова. 2018. № 1. С. 30–34.
4. Науменко, С.В. Орфографическая вариантность в научных дискуссиях и практике // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М.: Институт русского языка, 2012. С. 143–148.
5. Резниченко, И.Л. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1182 с.
6. Усачева, О.Ю. К определению понятия «жанр Интернета» и построению модели жанра в среде Интернет // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 51–57.
7. Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
8. Крысин, Л.П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. № 4. С. 3–8.
9. Розенталь, Д.Э. Словарь трудностей русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 704 с.
10. Путин, В.В. Выступление на заседании Совета при Президенте по русскому языку 5 ноября 2019 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 18.02.2022).
11. Институт русского языка им. В.В. Виноградова: официальный сайт. URL: <http://www.ruslang.ru/research> (дата обращения: 18.02.2022).
12. Усачева, О.Ю. Веб-коммуникативное событие и его отражение в структуре дискурса интернет-диалога (на материале форумов) // Проблемы когнитивного и функционально-коммуникативного описания русского и болгарского языков. Вып. 5. Шумен: Университетское издательство «Епископ Константин Преславски», 2007. С. 25–47.
13. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
14. Карасик, В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
15. Багиян, А.Ю., Шуряева, Т.А., Черноусова, Ю.А. Основные тенденции развития современного педагогического дискурса (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 11. С. 151–156.

REFERENCES

1. *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1990, 682 p. (in Russ.)
2. Grunchenko, O.M. Puntuacionnoe oformlenie vvodnyh konstrukcij [Punctuation Design of Introductory Constructions], *Voprosy kul'tury rechi. Vyp. XI* = Questions of Speech Culture. Iss. XI. Moscow, Institut russkogo yazyka, 2012, pp. 107–117. (in Russ.)
3. Litnevskaya, E.I. O yazykovoj norme pismennoj rechi i problemah ee kodifikacii v nachale XXI veka [On Written Russian Language's Linguistic Standard and the Problems of Its Codification in the Beginning of the 21st Century], *Mir russkogo slova* = The World of Russian Word, 2018, No. 1, pp. 30–34. (in Russ.)
4. Naumenko, S.V. Orfograficheskaya variantnost v nauchnyh diskussiyah i praktike [Spelling Variance in Scientific Discussions and Practice], *Voprosy kul'tury rechi. Vyp. XI* = Questions of Speech Culture. Iss. XI. Moscow, Institut russkogo yazyka, 2012, pp. 143–148. (in Russ.)
5. Reznichenko, I.L. *Orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka: Proiznoshenie. Udarenie* [Orthoepic Dictionary of the Russian language: Pronunciation. Accent]. Moscow, Astrel, AST, 2003, 1182 p. (in Russ.)

6. Usacheva, O.Ju. K opredeleniyu ponyatiya “zhanr Interneta” i postroeniyu modeli zhanra v srede Internet [The “Internet Genre”: To the Problem of Linguistic Defining and Modeling], *Mir russkogo slova* = The World of Russian Word, 2010, No. 1, pp. 51–57. (in Russ.)
7. Crystal, D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 272 p.
8. Krysin, L.P. Variativnost normy kak estestvennoe svojstvo literaturnogo yazyka [Variability of the Norm as a Natural Property of the Standard Language], *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* = Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language, 2011, No. 4, pp. 3–8. (in Russ.)
9. Rozental, D.E. *Slovar trudnostej russkogo yazyka* [Dictionary of Difficulties of the Russian Language]. Moscow, Russkij yazyk, 1986, 704 p. (in Russ.)
10. Putin, V.V. *Vystuplenie na zasedanii Soveta pri Prezidente po russkomu yazyku 5 noyabrya 2019 goda* [Speech at a Meeting of the Russian Language Council under the President on November 5, 2019]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986> (accessed: 18.02.2022). (in Russ.)
11. *Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova: oficialnyj sajt* [V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language: Official Website]. Available at: <http://www.ruslang.ru/research> (accessed: 18.02.2022). (in Russ.)
12. Usacheva, O.Ju. Veb-kommunikativnoe sobytie i ego otrazhenie v strukture diskursa internet-dialoga (na materiale forumov) [Web Communication Event and Its Reflection in the Structure of the Internet Dialogue Discourse (On the Basis of Forums)]. In: *Problemy kognitivnogo i funkcionalno-kommunikativnogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov. Vyp. 5* [Problems of Cognitive and Functional-Communicative Description of the Russian and Bulgarian Languages. Iss. 5]. Shumen, Universitetskoe izdatelstvo “Episkop Konstantin Preslavski”, 2007, pp. 25–47. (in Russ.)
13. Karasik, V.I. O tipah diskursa [About Types of Discourse]. In: *Yazykovaya lichnost: institucionalnyj i personalnyj diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse: Collection of Scientific Works]. Volgograd, Peremena, pp. 5–20. (in Russ.)
14. Karasik, V.I. Etnokulturnye tipy institucionalnogo diskursa [Ethnocultural Types of Institutional Discourse]. In: *Etnokulturnaya specifika rechevoj deyatelnosti* [Ethnocultural Specificity of Speech Activity: Collection of Reviews]. Moscow, Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam Rossijskoj akademii nauk, 2000, pp. 37–64. (in Russ.)
15. Bagiyani, A.Ju., Shiryaeva, T.A., Chernousova, Ju.A. Osnovnye tendencii razvitiya sovremennoogo pedagogicheskogo diskursa (na materiale anglijskogo yazyka) [The Main Trends in the Development of Modern Pedagogical Discourse (Based on the Material of the English Language)], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 2020, No. 11, pp. 151–156. (in Russ.)

Усачева Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, logus777@yandex.ru

Olga Ju. Usacheva, ScD in Philology, Associate Professor, Professor, Humanities and Natural Sciences Department, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch, logus777@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.03.2022. Принята к публикации 15.04.2022

The paper was submitted 16.03.2022. Accepted for publication 15.04.2022